

СОДЕРЖАНИЕ

Следующая остановка — «ПИОНЕРСКАЯ-СТРИТ»

Рассказы

Следующая остановка —	
«ПИОНЕРСКАЯ-СТРИТ»	7
ХРУПКО!	13
«УСЛЫШИ НЫ...»	22
СПИНОЙ К ПРОЗАИКУ ГОГОЛЮ	42
СВОБОДНЫЙ НЕМЕЦКИЙ ЧЕЛОВЕК В РУССКОМ ПОДЪЕЗДЕ	50
У СМЕРТИ БЫЛИ РОЗОВЫЕ ВЬЕТНАМКИ	63
ДВА ЧЕЛОВЕКА ДЛЯ МАСШТАБА	75
«ДОРОГАЯ ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА, ДАВАЙТЕ ДРУЖИТЬ...»	90
В РАЮ ТЫ НАЙДЕШЬ МЕНЯ НА КАЧЕЛЯХ.	97
МЫ КОГДА-НИБУДЬ ПЕРЕСТАΝЕМ ОБ ЭТОМ ГОВОРИТЬ, НО НЕ СЕГОДНЯ	104

НА ФОНЕ КРАСНОГО БРАНДМАУЭРА	122
Я ТУТ БЫЛ, Я ТУТ БУДУ ЕЩЁ ДОЛГО	131
ТРИПТИХ	151
МОИ МИЛЫЕ ДРЕВНИЕ ГРЕКИ	164
АВГУСТ	170
РЫБАЛКА И ЦВЕТОВЕДЕНИЕ	173
В НЕВУ	188
СЛОВО РЫБАКА	196
«КРАСНЫЕ ВИНОГРАДНИКИ В АРЛЕ»	200
СМЕРТЬ ХУДОЖНИКА	205
ЖИЗНЬ БЕЗ ГЕНЕРАЛА	209
ТОЛЬКО НЕ ИСПОРТИТЕ	218
ШЁЛ ДОЖДЬ НАД СССР	222
АЛЕКСАНДР НЕДВИЖИМОСТЬ	227
65+	229
ЭМИЛЬ КРЕВЕТКА	236
«НЕ ВХОДИТЬ! ОБНАЖЁННАЯ НАТУРА»	242
МАЛЕНЬКОЕ СЕРДЦЕ	249
ЛЕТНИЕ ЛЮДИ	253
ВЧЕРА	258
НАДО УВИДЕТЬ ЛОРУ	263
БЛИЗ НАБЕРЕЖНОЙ КАРПОВКИ	267
НІЕ СПОСЗНИЕМУ	271
АНГЕЛ	276

Муха имени Штиглица

Повесть

СЛЕДУЮЩАЯ ОСТАНОВКА — «ПИОНЕРСКАЯ-СТРИТ»

1.

Выхожу из дома и вижу страсть. Она бьёт о гранит набережной.

Нева забирает себе пристани. Исчезают ступеньки, что вели к воде.

Нева вспоминает себя. Много лет назад она имела власть захватить весь город. Остались отметины: «Вышина Воды 7 ноября 1824 года», «Уровень Воды 23 сентября 1924 года»... Смертельная близость.

Слово «Вода» — с заглавной буквы. Это уважение? Или священный ужас? Это что-то рыбье: поэт говорил, что мы произошли от хордовых. Вода. Праматерь. Первый дом. Из которого нас изгнали.

Я иду в салон Анны Павловны Шерер. Да, это вечная Анна Павловна, которая устраивает кутёж посреди войны и мира.

Подхожу к её двери. И прохожу мимо. Там слишком много знакомых лиц. У них взгляды, мысли, позиции. И веера из слоновой кости.

Сажусь в автобус. У Андрея Битова был такой рассказ, когда лирический герой весь сюжет просто ехал в автобусе и думал. Хорошо...

Обитаю в квадрате окна. Как рыба в аквариуме.

Отец Питер смотрит на меня.

Спрашиваю: «Ты меня любишь?».

Молчит.

Ты и наяву снишься мне, отец Питер.

Значит, ты меня любишь.

Хотя, конечно, тщательно это скрываешь.

Твой сложный характер, сложный климат, сложная архитектура... Всё это — не о любви. Это о величии, о подвиге, о самопожертвовании. Ты всё время ставишь себя в пример. Ты укоряешь своей красотой.

Рядом с тобой чувствую себя маленькой, слабой, немощной. Защити, отец Питер. От себя — защити тоже.

Даже ледяная горка из детства, с которой так весело было скатываться на санках, вдруг оборачивается бомбоубежищем.

У тебя сложное прошлое, настоящее и будущее. И ни одно из этих времён — не закончилось. Мы переживаем их вместе.

Мы знакомы с самого рождения.

Я родилась — а ты уже был. Ты меня встречал.

Помнишь апрель 1995-го? А я не помню.

Ты быстро менялся. Словно потерял память, но во что бы то ни стало пытался себя вспомнить: свои имена, людей, традиции, названия улиц и площадей... Или, наоборот, ты от кого-то прятался: шифровался, заметал следы, старался быть неузнанным. Ты до сих пор это делаешь.

2.

В пространстве автобуса я не одна. Дама лет восьмидесяти — видимо, обладая чутким внутренним слухом, — присоединяется к нашему диалогу с городом и доверительно сообщает:

— Я всю жизнь приезжаю в Петербург в день рождения Эдуарда Хиля.

Поймав мой выразительный взгляд, она поясняет:

— Он всегда давал концерт в этот день. Но вот уже много лет как он умер. А я всё равно приезжаю — теперь на Смоленское кладбище. Я просто не могу не приехать. И Петербург я очень люблю. Хотя всю жизнь живу в Москве, но всегда, знаете, хотелось жить в Петербурге.

Конечно, из Москвы. Из Владивостока она бы вряд ли приехала бы.

— Нет, я неправильно вам сказала: мне всегда хотелось жить — в Ленинграде. Жалко, что Хиль ушёл... Но он, конечно, попал в рай. Поэтому я тоже туда хочу. Умру, попаду в рай — и пойду на его концерт. Я всю жизнь коммунисткой-атеисткой была, но сейчас даже причащаться стала, да.

А подруга моя, Тамара, она вообще... Мы с ней из-за Хиля поссорились. Она говорит: «Это дремучее ретро», я отвечаю: «Сама ты дремучее ретро!». Джинсовый костюм напялила — и ходит, дитя дефицита... И... простите, что вам рассказываю всё это, но она мужу своему всю жизнь изменяла. Это же грех? Нет, она не кается. Я ей говорю: «Тома, ты попадёшь в ад». А она: «Что, опять в СССР?!» Короче, я трубку бросила, меня до сих пор от неё трясёт.

Автобус, вступая в беседу, объявляет следующую остановку, и в конце переходит на английский: «Некст стейшн из Пионерская-стрит».

— Зачем он со мной по-английски говорит?.. — удивляется дама.

— Ну, это для туристов.

Я представляю, как сотни туристов садятся в этот автобус, чтобы приехать на «Пионерскую-стрит» и застыть перед памятником в честь 50-летия Всесоюзной пионерской организации имени В.И.Ленина. И чтобы обязательно шёл дождь, и они все открывают зонтики — и стоят.

На прощание моя новая знакомая сообщает:

— Меня, кстати, Зоя зовут.

И выходит — на «Пионерской-стрит».

И вот теперь я знаю, что есть женщина Зоя, которая каждый год, 4 сентября будет садиться в поезд «Москва—Петербург» и ехать на день рождения Эдуарда Хиля. И я, если захочу, смогу встретить её на Смоленском кладбище.

Следом мелькает тревожная мысль: а ведь наступит день, когда она не придёт?

Проверять не буду, но я это точно почувствую: нарушится какая-то связь; может быть, даже связь времён.

3.

Значит, Тамара попадёт в ад. Новопреставленную примут в комсомол. Поступит в институт, на картошку поедет. А по распределению её отправят учительницей в сельскую школу. Там будут открывать памятник комсомолу и всем коллективом капсулу времени закапывать.

Коммунизм будет строить. Вечность простоит в очереди за томиком Пастернака, но так и не сможет его получить.

А жить она будет в коммуналке на улице Пионерской. И каждое утро просыпаться под гимн, и делать зарядку под «Кипучую, могучую». В телевизоре будет лицезреть спящего Брежнева, а по радиоприёмнику — ловить «Шёпот Америки».

В кино у каждого героя в руке будет бутылка кефира. И повсюду — конструктивизм.

И, конечно, в аду все будут читать толстые журналы. Только Тамару там не будут публиковать, и ей придётся писать ударные статьи в «Красные Зори».

А когда на горизонте замаячит 1991 год — картинка замигает и всё начнется сначала: комсомол, картошка, капсула времени...

... А Зоя попадёт в рай.

Её примут в комсомол. На картошку поедет.
С песнями.

Будет выполнять пятилетку в три года. Соби-
рать двадцать килограммов макулатуры, чтобы
получить талон, дающий право купить желанную
книгу.

На концерте Эдуарда Хиля Зоя встретит Тамару.

В общем, ад и рай находятся по одному адресу,
записывайте: *планета Земля, СССР, брежневский
застой, «Пионерская-стрит»*. Туда идут три авто-
буса: № 1, 191 и 227. До встречи!

ХРУПКО!

*Но кто в этом городе коренной?!
Разве что лешие и русалки.*

СВЕТЛАНА МОСОВА.
«В поисках прошлогоднего снега»

МАЙРЕ УШЛА ОТ ЙОХАННЕСА

— Бог был керамистом.

Она держит паузу и продолжает:

— В начале было что? Глина. Бог сначала замесил глину. А потом уже началось!.. В общем, вы понимаете: живописцы, графики — все! — появились потом. Первыми были — керамисты.

Так говорит Створа.

Конечно, можно назвать её и по имени — Александра. Но фамилия самодостаточна.

Она — керамист, мастер. Делится знаниями со своими учениками. В её руке — бокал вина. А за окном — ветхозаветность ночи. Как звёзды, горят огни мастерских. Одно из окон принадлежит мастерской директора Академички — Максиму Титову.

Это деревня художников. Называется «Малый городок». То есть деревня, но городок. Городок,

но деревня. Скажем так: деревня с гордыней. А как не загордиться, если тут академическая дача имени Репина? Местные называют по-домашнему: «Академичка». В общем, есть такое пространство между Москвой и Петербургом.

Мысленно я часто возвращаюсь туда, в эту хрупкую керамическую лёгкость бытия, чтобы услышать эту коронную фразу Створы и смех Бодриковой, другого нашего мастера. И чтобы ещё раз увидеть то чудо, или, как некоторые считают, чудище, которое лежит посреди поля.

У чуда нет определённой формы, оно огромно. И с каждой стороны — это уже что-то другое. Скажем так, это форма жизни.

Ходишь кругами, как баран, смотришь.

— Что это?!

— Это кинцуги, — объясняет гончар.

Ясности не прибавляется.

Зато становится легче оттого, что *нечто* обретает имя.

«Кинцуги». Японцы придумали.

У нас как: битое — дурная примета, выкинули. А то, что нам особо дорого, — склеили. Но так, чтоб «незаметно», чтоб «как было».

Но «как было» — уже не будет; наши усилия напрасны. Самые невидимые шрам, шов, трещина — будут торчать. И в нашей памяти — тоже.

Мы лучше поставим цветы в другую вазу.

А у японцев — кинцуги: они собирают осколки, склеивают их — и не маскируют швы, а, наоборот, в раны разбитого горшка заливают золото.

Мол, смотрите: я падал, я страдал, и боль моя — красива.

Раскаты золотых молний соединяют разбитое. А порой и вовсе дают осколкам новую форму жизни.

... Я смотрю на чудище в поле и снова спрашиваю гончара:

— Что это? Чем оно было раньше?

— Раньше... это была международная выставка. Японцы, китайцы, греки, немцы, французы, русские... Вавилон. А потом одного финна жена бросила. И он всё, сука, побил, всё в осколки превратил. Всё!.. Всю выставку убил. У меня там три работы было, по метру каждая. Горе. И тут возникает японец, он и раньше меж нами ошивался, но тут был его звёздный час: он показал нам, что такое кинцуги. Притащил золото — раствор такой, схватил первые попавшиеся под руку осколки и начал склеивать. То есть из разных работ фрагменты клеил, клеил, клеил... Мне даже в какой-то момент показалось, что они с этим финном заранее договорились обо всём. Перфоманс устроили. В общем, каждый сотворил себе кинцуги. Но японец, конечно, больше всех скульптур сделал, в Японию с собой увёз.

— А с финном что?

— Ну, сюжет такой был: Майре ушла от Йоханнеса. Ну это как Маша ушла от Ивана. Ну то есть она позвонила ему из Финляндии и всё. И он выпил море, просто море анисовой. Просто Господин Анис. В смысле, узо он пил, дело в Греции было. Ну пил и пил, никого не напрягал особо.